

Советский дневник Катарини / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Советский дневник Катарини / рассказ СОВЕТСКИЙ ДНЕВНИК КАТАРИНЫ

Это Арбат, говорит Валера. Похоже на остатки старой Москвы: сонная, разрытая улица, широкая, как площадь, между парой рядов низких, осевших домов. Старинные вывески. Огромная яма, перед ней забор. Что-то происходит, но очень медленно, в сущности, незаметно. В центре площади запыленный брошенный экскаватор.

Организованный досуг

Валера (однокурсник из Новосибирска)

Саша (однокурсник, татарин)

Райнер (молодой человек без прописки, друг Валеры)

Дворник

Саша торопливо входит, стуча каблуками и держа в обернутой полотенцем руке тяжелую, горячую сковородку с картошкой. Он ставит сковородку без ручки на чистый стол, подстелив пару газет. Меня приглашают к столу, вручают вилку. Аккуратно кроша над другой газетой, он режет, прижав к груди, полбуханки хлеба. Дает Валере и мне по ломтю, сам жадно наклоняется вперед. "Пожалуйста", – говорит он, втыкает вилку в соленую мягкую картошку.

Я зову Валеру своим братом. Мы с ним очень похожи, оба нерешительные и медлительные.

Кроме меня с Валерой, есть еще Саша и Райнер. Райнера тоже зовут Сашей, но он похож на Фассбиндера. Он появился в институте, агрессивно облаченный в шляпу и облегающий плащ, спрашивая Валеру.

У Валеры в центре есть связи, он ведет нас к знакомому

дворнику, живущему в потускневшем, похожем на особняк, старом общежитии. Дворник, кажется, только что встал; вид у него какой-то рыхлый, опустошенный.

Он сожалеет, что ему нечем нас угостить, уходит с чайником поставить чай в общей кухне. Возвращается все-таки, неся сковородку с ломтями хлеба, поджаренными в масле. Горячими, с ржаным вкусом. Солнечно и жидко улыбается, когда я пробую гренки.

Позднее они скидываются на бутылку. У дворника рубль с чем-то, у Валеры полтинник. Райнер долго утверждает, что у него ничего нет, но его заставляют вытащить несколько тонких, тусклых монет. Валерий кладет собранное на ладонь, толстыми грязными пальцами пересчитывает деньги. Таращит наигранно глаза на Райнера, пытаюсь заставить его почувствовать, что ему должно быть стыдно. Наконец Валера поворачивается ко мне: "Не хватает рубля, дай, если у тебя есть". Достая кошелек, протягиваю ему купюру. Дворник смущенно вскакивает, вызываясь сбегать за бутылкой.

Каким внимательным и оживленным становится Валера после первых глотков теплой водки! Его движения становятся плавными, оттопыренным мизинцем он прямо-таки элегантно собирает со сковороды остатки хлеба.

Свет здесь другой; сплошной, золотой, идущий сбоку. Мы с Валерой стоим и осматриваемся под деревьями на одном из кольцевых бульваров.

Когда мы открываем дверь в подъезд, из ближайшей оконной ниши прыгивают вперемешку восемь или десять котов. Кошачья стая с грохотом убегает по нереально длинному коридору. Ряд окон на одной из сторон пропускает широкие квадраты света. Поднятые котами клубы пыли переливаются. Валера говорит, что дом был построен до революции как гостиница.

В одной из комнат: молодой фотограф показывает серию фотографий. Они сняты здесь, в Москве. Цвета рельефные и приглушенные. На одной виден фасад дома: входная дверь, косяк и лестница. Другая сделана на бульваре с густой аллеей, часть красного трамвая. Только на одной фотографии есть люди: двое в темном, они почти выходят из фотографии. За ними остается

желтоватая улица, снятая сверху, сквозь провода трамвайных путей.

На скамейке, повернувшись к нам, зрителям, спиной, сидит в одиночестве одетый в тельняшку Саша. Рядом с ним пара простых кирзовых сапог. Он сворачивает портянки. Ткань выскользывает из его рук, кажется, что она сама ложится элегантными складками вокруг его лодыжек.

Мы делаем этюды

Саша, Саня

Иван Васильевич (педагог)

Уна (однокурсница из Латвии)

Миша (самый младший на курсе)

Староста и Мумин (однокурсники, таджики)

Руководитель курса

Я ерзаю на стуле: зачем он полез на сцену. На этот раз это ошибка; журавль, какая невозможная птица! Угловатый, он начинает бегать перед нами короткими шажками в ботинках, широко машет руками в своем потертом костюме. Меня бросает в жар, мне за него стыдно, я смотрю в сторону. Вот он поднимает свое маленькое лицо к потолку, бежит с отчаянным видом, глядя вверх. Даже издает пару жестких криков. Наконец его останавливает Иван Васильевич сухим "спасибо, хватит". Я прячу лицо в ладонях. Все молчат. Только Уна истерично хихикает.

Саша идет на свое место. – Он сидит в клетке? – серьезно спрашивает Иван Васильевич.

– Ну, конечно, – самодовольно отвечает Саша. Поднимаю лицо. Все тронуты. Валера хлопает Сашу по плечу. Миша значительно кивает головой.

Однажды после обеда Саша стоит у доски и что-то чертит. Он написал математическую формулу с тремя коэффициентами. Два из них обозначают время и место. Я видела в его комнате предварительные вычисления на бумаге.

"Готово", – говорит Саша и поворачивается ко мне. "Смотри, Катарина, формула для режиссуры. Самое главное, что она

действует, понимаешь?”

Формула не так проста; она включает в себя умножение, деление и скобку.

“Что это за формула, Саня?” – спрашивает наш деятельный староста, невольно заинтересовавшись. Когда Саша объясняет, староста смеется, но через минуту достает из своей сумки тетрадь. Мумин, младший из таджиков, сразу все схватывает. Он задает Саше толковые вопросы, сосредоточенно покусывая ручку. Входит Уна, резко хихикает. Идея с формулой подходит ей как нельзя кстати. Она надевает очки и привычно записывает.

Несколько дней подряд все говорят о формуле. Саша гордо утверждает, что теперь есть ключ, инструмент, теперь никто не будет делать ошибок.

Может ли он заплакать прямо здесь и сейчас, при нас?

Могу, говорит Саша.

Пожалуйста, говорит враждебно Иван Васильевич.

Мы, остальные, неуверенно посматриваем. Саша сосредотачивается. Опускает глаза, от напряжения слегка морщит лоб. Все, что происходит в прямом теле Саши, очень хорошо видно. Сейчас он думает над чем-то грустным. Кожа на его худом лице тонкая, как бумага, различимо малейшее движение мышц. Все серьезно смотрят. Нас охватывает грусть. Саша долго сидит и перебирает в себе мысли, пытаюсь вызвать слезы, всхлипывает один раз, механически. Но никаких слез так и не появляется.

Наконец, спустя вечность, наигранно улыбается, склонив голову набок, бормочет: “Что-то не получается”.

Ерунда, говорит Иван Васильевич. Тщательно тушит свой “Опал”. Перекур!

“Ты не Андрей Тарковский!” – рассерженно мычит остолбеневший режиссер, руководитель нашего курса.

“Я, – говорит Саша, стиснув зубы, – Саша Баширов”.

Все испуганно слушают, как Саша перечит руководителю курса. Вот руководитель совсем выходит из себя, долго сидит, пряча голову в руках. Овладев собой, тяжело бьет ладонью об стол и угрожающе кричит: “Фашизм! Это ведь фашизм, тебе понятно?”

Он откидывается назад. Беспомощно смотрит на Ивана Васильевича, который сидит рядом со злым лицом, темный и

худой, зажав в пальцах тихо дымящийся "Опал".

Иван Васильевич смотрит на него, усмехается слабо и натянуто.

Я сопротивляюсь; Саша на двадцать килограммов легче меня, он как неотвязчивое насекомое на моем теле. Я привыкла к его и Валериной опеке, но охотнее всего мечтаю о Райнере, таинственном аутсайдере.

Но голос Саши низкий и взволнованный, тело его дрожит. Он лежит на мне в расстегнутой рубашке, и меня вдруг поражает его красота. Его сердце колотится, как если бы оно находилось между его и моей грудью; торопливо, тревожно.

Мы изучаем действительность

Высокая женщина

Продавец кукурузы

Будничное утро, облачно. За извивающимися стенами зоопарка посетителей мало. Поразительно высокая женщина в сапогах с высокими каблуками медленно идет по красной земле. Тусклые волосы распущены по плечам серого пальто. Держится болезненно, словно привыкла не привлекать внимания. Я оживленно думаю: старая дева, не берут замуж из-за роста. Начинаю следить за женщиной, хочу за ней понаблюдать. Что ее могло сюда привести? Все клетки крупных хищников расположены вокруг пустынной площади. Она остановилась перед клеткой со львом. Мне видны ее бледные полные губы, очки под всклокоченной челкой.

Когда я смотрю на нее снова, рядом с ней уже идет мальчик.

Ищу взглядом взрослых, которые могли бы быть его родителями. Но поблизости никого нет. Они стоят у клетки с хищными птицами, каждый сам по себе, их объединяет только пространство. Теперь она ему что-то говорит. Я стою позади них, наискосок, мне становится видно его лицо. Это вовсе не мальчик, а мужчина, около сорока лет, но очень маленького роста. В куртке и ботинках на мальчика.

Большой пруд с птицами, вокруг него петляет аллея. Запах затхлый. Край пруда весь в помете и шелухе от зерен. Большие зябнувшие птицы с грязным опереньем теснятся в воде вместе с птицами поменьше и приземистей. Тут жилые дома стоят так

близко, что с балкона поверх ограды виден весь зоопарк. Названия птиц указаны на табличке. Я гляжу на черных лебедей: один стоит на краю пруда недалеко от меня. Четыре или пять плавают вместе с другими птицами. Черные клювы. В одном месте я прохожу сквозь едкие испарения, запах, как от пушного зверя.

На асфальтированной площадке перед невзрачным кирпичным зданием метро "Баррикадная" под осенним солнцем теснятся продавцы кукурузы. У двоих кипящие кастрюли: у мужчины кавказской наружности с походной кухней и у русской женщины в ларьке с выставленным за стеклом разрешением о продаже.

Нелегальные продавцы достают кукурузу прямо из сумок, из бумаги и тряпок, в которые ее заботливо завернули, чтобы сохранялось тепло. По примеру других я спрашиваю худого мужчину с огромным рюкзаком у ног: кукуруза теплая? Он молча развязывает рюкзак и долго выбирает мне початок, тщательно завернутый в газетную бумагу. Дает мне соль из солонки.

У павильона номер пять на поставленном ребром ящике стоит молодой человек, заглядывает в окно через дырочку, выскобленную в покрывающей окно краске. На противоположной стороне здания наверх, к окну, собирается лезть еще один. Уборщица закрепляет ведром дверь.

Дверь третьего павильона заперта. Внутри, у гардероба, мелькают одетые в белое женщины. Я дергаю за ручку. Женщина в белой шапочке подходит почти вплотную к двери. Я прижимаю к стеклу билет.

– Ага, вы опоздали, – говорит она и уходит. Наконец я стучу по стеклу. Тогда она возвращается. Говорит за стеклом:

– Мы вас не пустим. Правила есть правила.

– Но ведь мое время начинается сейчас, – говорю я.

Она утверждает, что я не успею помыться, люди обычно приходят за полчаса до начала своего времени.

– Если у меня останется мало времени на бассейн, то, наверное, это моя проблема! – запинаясь я от злости.

Она отпирает дверь, но не для того, чтобы меня впустить.

Женщина оставляет в двери щель, высовывает наружу лицо. – А почему вы опаздываете? – спрашивает она.

Сквозь струи воды смотрю на двух девушек моего возраста. Они меня едва замечают. Моя нагота делает меня почти невидимой. Они похожи на кукол, тщательно покрашены. Одна очень стройна в своем черном маленьком купальнике. Она осторожно надевает на себя купальную шапочку, бросает беглый взгляд на мое тело, говорит подруге что-то о парнях, которые уже в бассейне.

Облицованный плиткой проход со сложными ответвлениями против сквозняка и холода. Попадаю в комнатку с высоким потолком, мне зябко. Сточная труба ведет отсюда к открытому бассейну. Захожу в воду, тепло. Через короткий туннель иду по наклонному дну. Пригибаюсь, проходя через два черных резиновых мата.

Сильный запах хлорки, визги. Разноцветные купальные шапочки и блестящие торсы в плотном, подсвеченном тумане. Народ игриво передвигается во все стороны. Вдруг лицо неприятно обдает залпом воды; меня обнимает пахнувший водкой, лоснящийся, багровый мужчина с золотисто-коричневыми усами. Он протащил себя по воде, резко шлепнувшись животом вниз. Теперь он обхватил меня, кричит своим товарищам: "Вот она, моя русалка!" Все весело смеются.

Лавирую между людьми: на лице маска, в эйфории. В темном небе над нами рассеивается пар. С высоких кранов вниз, на бассейн, направлены четыре громадных, сверкающих прямоугольника. Ощущение нереальности.

Смотрю под водой на мужские и женские тела. Половые органы между барахтающимися ногами. Иногда останавливаюсь, снимаю с лица плавательные очки, вожусь с ними, слушаю. Тяну время, как могу. Слышу разговор двух женщин, держащихся на воде. Одна говорит:

– Я буду в черном.

Я натянула на лицо очки, поправила несколько раз резинку, осмотрелась, как бы для того, чтобы сориентироваться прежде, чем я снова окажусь в воде. Растягиваю каждое движение, словно задумавшись.

После купания прогуливаюсь со своим пакетом. Перед зданием бассейна простенький городской сквер. Газоны, скамейки.

Дорожка. Люди здесь передвигаются необыкновенно медленно. Некоторые оживленно ловят мой взгляд.

Вскоре мне становится все ясно.

Настрой, полученный в бассейне. Сквер – это предбанник.

Я сажусь на скамейку. Через какое-то время вижу, что на скамейку слева от меня садится темноволосая женщина. Сидит спокойно без всякой причины.

На площади у трех вокзалов влажно, загазованно, хотя сейчас только раннее утро. Грозная извилистая очередь. Я готовлюсь стоять целый час, вместо завтрака закуриваю. У сигареты ядовитый вкус, дым на холоде едкий. У всех в очереди несуразная поклажа – множество узлов и ящиков. Где-то как всегда разгорается ругань. Женщины с невыспавшимися лицами чувствуют себя зажатыми, повышают голос, разговаривая с шоферами такси, которые все время ходят вдоль очереди, пытаюсь договориться с теми, у кого обеспеченный вид. Самые состоятельные один за другим высвобождают из очереди свои сумки. С притворной невозмутимостью они разворачиваются и следуют за каким-нибудь невозмутимо плюющим шофером. Мы, в очереди, раздраженно смотрим им вслед. По-деревенски одетый мужичок громко ворчит: "Денег куры не клюют, да?" Маленькая старушка, не москвичка, думает, что может положить конец несправедливости. Внезапно она решает задержать одетую по-городскому немолодую пару. Бежит за ними, злобно крича: "Кто вам разрешил лезть без очереди!"

Мужчина, за чье пальто она пытается ухватиться, невыразительно смотрит через плечо. Она не достает ему даже до лопаток. Женщина в очереди ласково говорит: "Бабушка, успокойтесь, они ведь заплатят с надбавкой".

"С надбавкой... да? – отвечает старушка, остановившись. Она поворачивается к нам лицом. – А разве так можно?"

Она встает на свое место, еще долго смущенно зудя что-то о спекулянтах и честных людях. Мы, остальные, посмеиваемся, переглядываемся. По-деревенски одетый мужичок качает головой.

Мы живем вместе

Сереза (студент-сценограф)

девочки (ответственные за костюмы)

Нина Каминская (молодая женщина с квартирой в центре Москвы)

Виноградов (музейный работник, случайный знакомый)

Сереза, сценограф, изготавливает бутафорию – модель старинных проводов; сплетает мягкую бечевку, протягивает ее по стенам к черным коробкам выключателей. Карельская береза, говорит он почтительно о светлой мебели, оставленной хозяйкой квартиры. Они с Сашей переехали в квартиру, здесь и ночуют.

Девочки изготавливают бюстгальтер тридцатых годов; из хлопка, с пуговицами. Одна из их преподавательниц долго думала, потом сказала: "Мы их сами шили", начертила простую выкройку.

В фильме будет видна лишь малая часть всего этого.

"У скромных кофт, – читает с важностью Саша, – и у вязаного нижнего белья есть особое очарование..."

В квартире мы находим пальто и платье; целые, ничего не нужно чинить. Материал плотный и добротный; подкладка тоже, сшито московским портным в тридцатые годы.

Тут же постоянно присутствует Нина, Нина Каминская из соседней квартиры. Она беспрерывно говорит, всегда со свежей помадой, наложенной как бы нетерпеливо, в спешке, далеко выступающей за края губ. Взъерошенные волосы, глубоко расстегнутая блузка. Ее странная речь; без пауз, без очевидного повода. Обращенная ко всякому, кто в состоянии ее слушать.

Она принесла дефицитные продукты. Может, ее родители из верхушки.

Каждое утро я просыпаюсь раньше, чем должна. Тороплюсь встать и начать жить.

Все еще очень холодно. Шагаю по густой слякоти на спокойной серовато-белой Пушкинской улице. Жадно захожу во все магазины. На углу старая булочная, где продаются русские хлебцы; штабеля красно-желтых коробок на высоко расположенных полках.

В открытом, широком Столешниковом переулке, белом от плотно утрамбованного снега, таинственно раскинулись дорогие магазины. Ателье верхней одежды. Сувениры и драгоценности. На втором этаже одного из домов: ресторан с давними традициями,

как говорят Саша с Сережей.

Ясными, ловкими движениями Саша гладит себе рубашку. Перед тем, как принести утюг и начать, он идет за стаканом воды, ставит его у себя под рукой. Набирает немного в рот, мелким душем прыскает через сжатые губы на материал.

Темный, холодный день в большом лесопарке.

На другой стороне пруда под старым темно-красным транспарантом стоят с медными инструментами три сильно замерзших студента консерватории. Им приходится долго ждать, они в форме красноармейцев, без перчаток и шарфов.

С их берега не долетает ни звука. Слишком большое расстояние. Потом выяснится, что зерно пленки такое крупное и так много серого, что этот маленький оркестр и не видно. На пленке можно различить только транспарант. И Виноградова, мелькающего на фоне темной зыбкой панорамы; выраженного в прогуливающегося господина, стоящего у края пруда и ковыряющего тростью в снегу.

На закате Виноградова и меня в ледяном автобусе везут домой. Каждый сидит на своей стороне, Виноградов немного впереди меня. Взгляд от холода тусклый, невидящий, направлен в окно. Снег и иней тают на бороздах старого резинового мата, покрывающего пол.

Худой, по-деревенски одетый человек уже несколько дней ходит по институту с петухом под мышкой. Вчера он рассказывал: петух умеет танцевать; русский народный танец. Он будет участвовать в одном фильме.

Мягко упала на макушку холодная, крупная капля воды.

Туманно. Весенний рассвет. Несется троллейбус. Спала вместе с Сашей всю ночь. Видела о нем сны.

Об авторе: МАРИЯ ЦЕННСТРЁМ

Родилась в Стокгольме в 1962 году. Отец швед, мать русская. В 80-е жила в СССР, училась во ВГИКе в мастерской Александра Васильева (с Александром Башировым, Ренатой Литвиновой, Фёдором Бондарчуком и другими). Её романы «Советские

переживания Катарины» (2001) и «Как выглядит жизнь почти без любви» (2010) отмечены престижными литературными премиями, в том числе премией Шведской Академии. Её фильм-новелла «Последние дни Ленинграда», снятый в Ленинграде в 1987 году, был смонтирован 28 лет спустя и получил Приз зрительских симпатий на Московском международном фестивале экспериментального кино в 2017 году. Neкаýalar